

Евгений РЕЙН родился в 1935 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, позднее — Высшие сценарные курсы. Автор сценариев более 20 документальных фильмов.

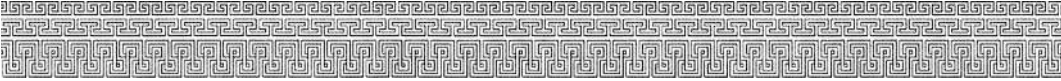
В 1960-е годы входил в круг так называемых «ахматовских сирот» (вместе с Иосифом Бродским, Дмитрием Бобышевым и Анатолием Найманом). Долгое время стихи Евгения Рейна распространялись в самиздате, часть из них публиковалась в самиздатовском журнале «Синтаксис», на Западе («Грани»). В 1979 году принял участие в издании неподцензурного альманаха «Метрополь», куда вошла подборка стихов Евгения Рейна, охватывающая 20-летний период его поэтического творчества. Первая книга стихов Евгений Рейна вышла только в 1984 году («Имена мостов»). Много переводил поэтов национальных республик СССР, английскую, арабскую и индийскую поэзию. Лауреат Государственной премии России (1996), Пушкинской премии, Царскосельской художественной премии (1997), премии «Поэт» (2012). Автор многих книг поэзии и прозы, издававшихся уже в новое время. Живет в Москве. Преподает на кафедре литературного творчества в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции для студентов-славистов в ряде американских университетов.

ПАМЯТИ Б. А.

...Но краше всех, но всех умнее
была хозяйка тех мансард,
и мы привычно шли за нею
как неприкаянный детсад.

Ее вино разлив по кружкам,
Ее мы преломили хлеб,
И вот теперь в проеме узком
Уже не свет, а только креп...

О, если бы я мог подумать
И над Невой и над Курой,
И на свечу во мраке дунуть,
Запить волной береговой.

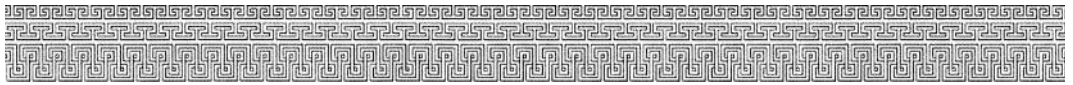
А там, на чердаке осталась
Ее пленительная тень,
Ее стихи, и высь, и жалость,
Ее корона набекрень...

2012

ПОЗДНИЕ ПЯТИДЕСЯТЫЕ

В ресторане играли танго —
это верхний этаж отеля,
и хрустальных рюмок огранка
влагой жизненной запотела.
Растворялись белые ночи
в «Ркацетели»-«Напареули»,
жизнь была длинней и короче,
чем поставленное на ходули
время поздних пятидесятих
в Елисеевском магазине,
где фарцовщиков волосатых
еще не было и в помине.
Ведь они появились позже,
когда финны рванули в Питер,
и бродили в пекарне дрожжи,
на «Ленфильме» горел «Юпитер».
Авербах и Герман сидели
в просмотрном вонючем зале,
и стекали по акварели
слезы женские, и ворчали
старики в комитетах ЖЭКов,
и балтийские пароходы

на доступных питерских реках
якоря опускали в воды.
«Беломор» мы тогда курили,
«Жигулевское» пили пиво,
до рассвета мы говорили,
загорали мы у залива.
И глядели в пустое небо
сквозь кумач линялого флага,
и не ели чужого хлеба,
не просили чужого блага.
Но когда мосты разводили,
ждали мы у Невы на Дворцовой
часа, года и века или
возвращались к пыли дворовой.
2013

СТАРЫЙ СОЛДАТ В МЮНХЕНЕ

Я помню те аккордеоны
Немецкие, в конце войны.
А вы попрали все законы,
Нас убивая без вины.
Они «Лили Марлен» играли,
«Катюшу» или «Венский вальс»,
В атаке или на привале,
Бетховена — в который раз.
И вот опять, где Мюнхен дышит
Всей европейскою жарой,
Где «Мерседес» упрямо движет,
Все также веет стариной.
И снова на аккордеоне
Играет отставной солдат,
Пока на Золотой Мадонне
Лучи закатные горят,
Опять «Катюша» или даже
«Лили Марлен», «Собачий вальс»,

И лишь Христос стоит на страже,
К евангелистам обратясь.

2013

ТЕХНОЛОЖКА

Там, где Московский в Загородный влип,
Там между петербургских великанов
Стоял на постаменте серых глыб
Георгий Валентинович Плеханов.
Он вдаль немую руку простирал
И говорил он гладко и не ложно,
Стоял налево Витебский вокзал,
Стоял направо — как это возможно? —

Обуховский непоправимый мост,
За ним Сенной всю клубился рынок,
И два квартала вышли из корост,
Вступившие с пространством в поединок.

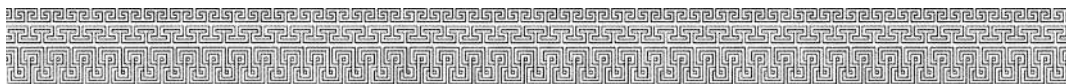
Там жил и я, должно быть, двадцать лет,
А, в сущности (я знал), гораздо больше,
И вот теперь пора вернуть билет
И обернуться из Парижа, Польши...

Ты — родина, и я навеки твой,
Чужих краев не разделяю выгод,
Я знал, что я здесь свой, а не чужой,
А эмиграция — убийство, а не выход.

Хотя бывало тяжко иногда,
Но говорил я: «Потерпи немножко».
И вот через века, через года
И мне сияет светом Техноложка.

2013

ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ

И. Б.

Замерзший кисельный берег. Финский залив. Кронштадт.
Здесь мы с тобой гуляли, покуривая «Кэмел»,
месяц за месяцем, год или два подряд,
здесь под закатом, что багровое пламя пенил.
Жизнь разбегалась. Атлантика шла «на Вы».
Дядя Сэм и Кремль грозили атомной бомбой.
Лавр остролистый, не стоивший головы,
всё еще медлил внутри пустоты утробной.
Вот в Роттердаме, в гостинице «Гранд-Централь»,
я тебя встретил, и мы заказали «Бушмилл»,
но размыкается времени вертикаль
и упирается в воздух — просторный, горячий, душный.
Ангелы вдалеке
галдят, точно высыпающие из кухни официанты.
«Жизнь — это кросс, без пальто, налегке,
только над финишем глухо басят куранты.
Жизнь — это рифма, это цезура, друг,
ямб шестистопный — александрийский прочерк,
брошенный с яхты спасательный легкий круг,
голая муза под одеялом строчек.
Пальцы в табачной ржавчине, кариатиды дней,
ось Полярной звезды, стоптанные ботинки,
чаша, змеей обвитая, тем она нам видней,
что продается, как молоко на рынке.
Слушай, смотри и падай под похоронный марш,
что нам Шопен, даже Вергилий в передней,
эту помаду по жадным губам размажь,
всё это прах по сравнению с небом бредней».

2014

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ВИНОГРАДОВА

В государстве Гана есть своя богема?

И ты ушел, слагатель поговорок,
к богеме Ганы, в ленинградский тыл,
раздвинул свой неотвратимый морок,
дверь на цепочку старую закрыл.
На Пушкинской, а может, на Галерной
тебя я повстречал в последний раз.
С тех пор и вьется холодок неверный,
с прорехой совмещается рассказ
о том, как жили, где и как бывали
и Уфлянд, и Красильников, и ты,
что делали в вагоне, на вокзале,
в толпе, средь безразличной суеты.
В корыте сколько б ни было корысти —
не нам ее оттуда доставать.
Ах, Лёня, Лёня, я без укоризны,
воистину хочу тебе сказать:
ведь лучшее, что было, белой ночью
стояли мы на Троицком мосту
и понимали, видели воочью,
как солнце набирает высоту.

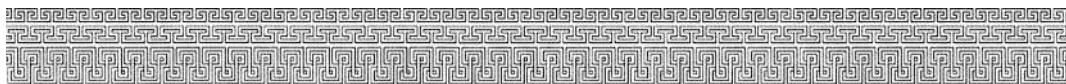
2014

ПОЛТОРЫ КОМНАТЫ

Собор Преображенский лезет в дверь,
открой ему, не то — упрется в небо,
еще об этом рано, но теперь
мое перо ведут тоска и злоба.

Там, на Литейном, вечная молва
всех новостей и сплетен ленинградца,
она доступна так и молода,
что нам пора отсюда убираться.

Тем более что в комнате темно,
темно, как в трюме, и совсем нечисто,
и, отражаясь в стареньком трюмо,
зачем бы нам не пошутить речисто?

Постой, так не уходят напролом,
не оставляют так разор дикарский,
сто фотографий над твоим столом,
машинка, книги и фонарь китайский.

Воротнички истертые рубах
и скотный двор разношенных ботинок,
и два комода на своих дубах,
вступившие с пространством в поединок

и у него изрядно отхватив,
припрятавшие что-то шито-крыто
в укромный уголок, где негатив
показывает нам изнанку быта.

А я? Я буду ждать тебя во сне,
пока меня снотворное не сломит,
покуда на облупленной стене
родная речь не обратится в омут.

2014

ПОЭЗИЯ

Памяти Г. А.

Зашли в кафе. Он заказал коньяк.
Под вечер фонари уже сияли.
За столиком уселись кое-как,
и мы свою беседу продолжали.
«Поэзия, дружок, совсем не в том,
чтоб выкрикнуть, ревнуя и переча.
Она — намек, а не роскошный том,

скорее не свидание, а встреча —
такая, как сейчас у нас с тобой
за этим столиком, в соседстве с баром.
На улице ты видишь проливной
дождь пополам с парижским всем угаром.
Так выпьем за поэзию. Она —
нечаянный и незаконный отблеск,
еще полуоткрытая страна,
внезапного распада одинокость.

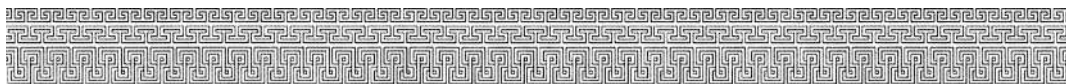
Я знал таких, немногих, перечеть —
хватает пальцев на руках. Однако
поэзия — письмо, шифровка, весть
от скрытого за тучей зодиака».
Мы выпили. Оркестрик заиграл.
Тьма утвердилась. В зале сникли тени.
Жизнь продолжалась, точно скромный бал,
всегда готовый к новой перемене.

2014

РОБЕРТ ФАЛЬК. 1958

Листопадно и мглисто темнел за окном
живорыбный садок сентября.
И приветствовал далью Москвы оком
старика и меня серебря.
Отвернувшись к стене, холодели холсты,
стыла каша на шатком столе,
и старик на столицу глядел с высоты,
словно лоцман на Па-де-Кале.
На палитре его и лазурь, и краплек
снова лечат душевный разлад,
и какой бы, по сути, я ни был дурак,
за него я печален и рад.
И парижский пленэр, и ташкентский дувал
предъявили изнанку свою,

я-то знаю, Художник, что ты побывал
в живописном прозрачном раю.
В этой бедной мансарде у храма Христа,
где толпится приезжий народ,
где глядят на меня с голубого холста
недобор, недолет, недород.
Вот и старые краски слежались в пласты
и вернулись в родную золу,
вот и кисти чисты, отвернулись холсты,
что отвергли хулу и хвалу.

2014